

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Доклад А. Д. Салынского

СОВЕТСКАЯ драматическая литература в течение подвига дала жизнь театральному искусству, кинематографу, телевидению и является весьма заметной плодотворной силой в духовной жизни нашего общества.

Мне думается, проблемы драматургии было бы полезно рассмотреть в свете современного развития традиций. Это, на мой взгляд, тот ключ, который сегодня открывает для нас возможности увидеть и несомненные творческие успехи драматургов, и очевидные слабости в нашей работе.

В тревоге вечного поиска, преодолевая неизбежные потери, постоянно обновляясь, живет мировая театр.

Литература послала на сцену героев, и публика в театральных залах переживает волнения людей, созданных воображением Софокла, Еврипида, Аристофана, Шекспира, Пушкина, Лопе де Вега, Мольера, Гольдони, Шиллера, Гоголя, Грибоедова, Островского, Чехова, Горького, Ибсена, Шоу, Брехта. Эти гиганты шедры и великодушны, они раздали последующим поколениям свои мысли, свои правила письма, которым до сих пор, так или иначе, развивая и переосмысливая их, следуют художники.

Вместе с революцией родилась новая литература, литература социалистического реализма, литература, которая объявила миру нового человека, человека с моралью и нравственностью коммуниста, в идеале своем воплощающего лучшие черты, приобретенные людьми веками борьбы за социальный прогресс, против истребительных войн, голода, болезней, человека, живущего обыкновенными и великими радостями и надеждами. И с революцией родился новый, советский театр. На сцену этого театра вышли совершенно небывалые в истории человечества люди — люди с психологической коллективизма, братья и друзья по борьбе.

Советская драматургия заявила себя как драматургия новаторская с первых же своих шагов. Драматургия вывела на сцену героев революции. «Мистерия-буфф» Маяковского до сих пор остается блестящим образцом строительства новой сценической формы. Биль-Белоцерковский, Тренев, Ромашов, Вишневский, В. Иванов, Погодин, Лаврентев, Леонов, Корнейчук, Афиногенов... Герои их пьес отражали величие революционной борьбы народа.

Революция дала мировому театру небывалую по своему гигантскому размаху сцену — сцену Советского Союза. Ежедневно поднимается занавес более чем в 500 театральных залах.

Именно у нас родилась драматургия революционной мысли, революционного характера. За 50 лет существования сложились традиции советской драматургии.

Каковы же эти традиции, как они развиваются в современных работах наших драматургов?

В основе советского театра, драматургии, так же как и в основе всей нашей литературы и искусства, с самого их возникновения заложена ленинская идея — приблизить искусство к народу и народ к искусству. От этой идеи берут начало определяющие положения традиций советской драматургии: народность, революционный гуманизм, партийность — вечно живые принципы животворного метода советской литературы и искусства — социалистического реализма.

Мне хотелось бы кратко коснуться некоторых советских пьес, в которых наиболее полно выразились новые черты революционной драматургии.

В этом смысле особенно показательна «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского. В самом деле, где, когда еще мог возникнуть такой драматический конфликт, такой сложный философский узел, как в этой пьесе? Вишневский как бы аккумулировал опыт тех писателей, которые выступили раньше него с изображением революционного народа и героев революции. Он выступил после того, как прозвучали такие крупные произведения советской драматургии, как «Штурм» В. Биль-Белоцерковского, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Бронепоезд» В. Иванова.

Традиции советской драматической литературы складывались в многообразии различных художественных течений, различных дарований и стилей, смелого поиска в области содержания и формы.

В. Вишневский и А. Афиногенов — как разные художники! Она из самых репертуарных пьес, так же прочно оставшаяся на советской сцене, как «Оптимистическая трагедия», пьеса автора «Страха», «Чудака», «Далекого»,

Афиногенова «Машенька». «Машенька» более, чем «Оптимистическая трагедия», связана с традициями дореволюционной русской драматургии и классической литературы. Но и в ней — черты новой драматургии, идущей от нового человека.

Советская комедия начала свою жизнь как сатира, совершенно новая по своей направленности, сатира, утверждающая завоевания революции. Новый мир сразу и безошибочно определил мишени для своего огня: сатира обличала классового врага, бюрократизм, буржуазные пережитки в сознании людей и другие пороки. С первых шагов развития советской комедии сатира соседствовала с бытовой и лирической комедией.

Маяковский и в форме комедии был новатором. Его пьесы «Клоп», «Баня» — до сих пор непревзойденные образцы сатиры. Многие драматурги пытались развивать комедийную форму вслед за ним, великолепно использовавшим традиции Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Сухово-Кобылина.

Названные мною пьесы, в которых я вижу некоторые черты, основополагающие для советской драматургии, соприкасались и соприкасаются со всем лучшим в русской классической и мировой драматургии. Мы развиваемся как новая, необычайная по материалу и мысли часть мирового процесса и своей революционной сущностью оказываем серьезное влияние на мировое искусство.

Может быть, ни в каком другом жанре литературы нет такой обостренной борьбы, таких резких столкновений в развитии, как в жанре драматургии. Одни превозносят «маленькую правду», другие исповедуют «большую правду». Я за «большую правду», которая под своим крылом согрела бы тысячи «маленьких правд». Лишь бы не было кривды. Именно тем и сильны были пьесы «Мой друг» И. Погодина, «Страх» А. Афиногенова, «Человек с портфелем» А. Файко, «Часовщик и курица» И. Кочерги, что характеры, в них изображенные, несли социально-психологические черты своего времени и в конфликте утверждали правду.

СЛЕДОВАТЬ традициям — это значит развивать их. Нельзя развивать их, лишь повторять. Традиции литературы — ее крылья, а не путы.

Драматургии противопоставлена однопьеса. Для того чтобы изобразить героя современности, показать размах его свершений, ум и широту души, его дерзновенность, мало попросту сказать, что он хороший, положительный герой. Надо чтобы зритель этому поверил, полюбил его, волновался бы его судьбой, тем более зритель теперешний. Возвращаясь, увлекая следящего зрителя можно лишь только глубинной и острой гражданской мыслью, отличным художественным воплощением мысли. Но это значит, что герой должен возникнуть перед зрителем в напряженной борьбе, если это драма, трагедия, или же в комедийно-острой ситуации.

Развивая традиции народности, революционного гуманизма и партийности можно в современных условиях, в условиях бурного роста общей культуры народа, только на основе высоких идейно-художественных критериев. Это предполагает гражданский подход к жизни, то есть активное утверждение идей партии, выдвигание положительного начала как исходной позиции художника.

Вспоминаются успехи конца 20-х и 30-х годов в освоении темы труда. Именно в те годы появились «Темп» и «Поэма о топоре» Н. Погодина, в начале 40-х годов — «Глубокая разведка» А. Крона — произведения, раскрывающие генеральную тему жизни в ярких характерах и судьбах. Строители и металлурги, люди, ищущие нефть и находящие истинный смысл жизни, волновали миллионы зрителей.

Одной из заметных пьес о рабочем человеке была пьеса А. Корнейчука «Макар Дубрава». Драматурги и в последние годы делают в разной степени успешные попытки создать образ рабочего страны социализма. В этом смысле показательна пьеса И. Штока «Ленинградский проспект», в которой интересно поставлены вопросы нравственности и жизни рабочей семьи изображена правдиво и увлекательно.

Своей широко известной «Иркутской историей» и А. Арбузов обратился к жизни простых людей, строителей мощной электростанции в Сибири. Основная коллизия пьесы — глубокая личная, интимная. Но как расширяются горизонты этой пьесы тем, что ее герои решают и проблемы своей жизни в обществе!

Образное видение труда принес в драматургию И. Касумов. В пьесе «Человек бросает якорь», поставленной в Малом академическом театре, он опровергает бытовавшее когда-то представление о том, что нет незаменимых людей. Своей пьесой, герои которой — бакинские нефтяники, автор говорит: каждый человек незаменим, ибо он человек, личность, а не вещь. И Касумов принес свое художественное решение в одну из основных проблем нашей философии: человек и коллектив.

Однако, мне думается, драматурги еще напишут свои лучшие пьесы, в которых рабочие и хлеборобы — соль земли — будут изображены в их главном жизнедействии — труде. Только надо избежать нашей давней ошибки: не замыкаться в пределах производственного конфликта, смелее охватывать широкую область общественной, социально-психологической, исторической, нравственной. Горьковский Нил, герой «Мещан», остался для нас в известной мере образцом героя из рабочей среды.

Много было написано пьес, в центре которых был образ советского крестьянина, колхозника, и в этом смысле наиболее заметными были работы А. Корнейчука. Его комедия «В степях Украины» еще в предвоенные годы показала нам образы людей колхозной деревни, показала в искрометной комедийной форме.

В более поздней комедии «Наливная роща» Корнейчук создал яркий, обаятельный характер председателя сельсовета Наталии Ковшиной.

Удачей нашей драматургии была и остается комедия А. Софронова «Стрелуха», где действует Павлина Хуторная — истинно народный характер кубанской казачки.

И. Вирта в своей пьесе «Дали-дальние, неоглядные», В. Лаврентьев в «Иване Буданцеве» также написали интересные характеры людей советского села.

Сейчас уже для всех очевидно, что мы не имеем права ограничиваться иллюстративным изображением деревни. Необходимо углубиться в суть общественных, экономических проблем, во всей полноте и реальной сложности раскрыть картину подвижнического труда крестьян.

Мне кажется, пьеса Ю. Чепурина «Старый клоун» с ее горячим разговором о связи города с деревней, с ее героем, председателем колхоза Мефодьевым является новой удачей в художественном освоении современной жизни.

Весь мир изумляется первооткрывательскими подвигами советских ученых в космосе, и, действительно, наши ученые, конструкторы, инженеры, рабочие совершили великое историческое дело. Отозваться на эти значительнейшие свершения человеческого ума, показать на сцене реалистические пьесы, изображающие подвиг космонавтов, творческий труд создателей наших ракет, наших спутников, — святой долг драматургов, поэтов, прозаиков.

Благородно, поэтически пьесу «Фауст и смерть» написал в свое время А. Левада. Однако его пьеса не надолго привлекла внимание зрителя. Видимо, современный зритель не был удовлетворен фантастичной постановкой проблемы. И все же хорошо то, что А. Левада вышел в драматургию с новой, еще никем не освоенной темой.

Л. Рахманов, написавший пьесу «Беспокойная старость», может быть, впервые так талантливо в нашей драматургии поставил во главе конфликта образ крупного ученого.

И в драматургии братских республик появляются удачные пьесы с образом Ленина. «Путеводная звезда» К. Яшена с успехом идет на сцене.

В каждом новом произведении о Ленине хочется видеть художественное открытие. Здесь, на съезде, мы должны решительно сказать, что

летопись жизни и борьбы В. И. Ленина продолжать надо силами самых больших талантов под знаком высокой творческой ответственности.

Развивать достойным образом традиции — это значит художественными средствами освещать важнейшие проблемы жизни страны, пером писателя-марксиста пропагандировать идеалы коммунизма.

Драматурги, черпающие материал в кипучей общественной жизни, начисто опровергают тезис буржуазной эстетики о том, будто бы сближение писателя с потребностями своего времени, с задачами политики инвелирует талант.

Долгие годы работает в литературе мастер полемической драматургии А. Штейн. Штейн, как вы помните, своими пьесами и фильмами всегда откликался на самые животрепещущие проблемы. Вспомните хотя бы «Персональное дело» или более позднюю пьесу «Океан».

Все мы знаем, как много своеобразия — национального и художественного — внес А. Якобсон в советскую драматургию. «Жизнь в цитадели» — пьеса, где персонажи олицетворяют Эстонию своего времени, где атмосфера драматизма по-особому, по-якобсоновски наэлектризована, где даже ремарки несут отпечаток неторопливой, психологически емкой речи автора. Дискуссию о борьбе за счастье, о выходе в общественные сферы из тесного семейного мира ведут не сцены А. Б. В. нет, люди: своеобразные, характерные в неповторимости языка, мироощущения, привычек.

Таланты самых различных по манере и масштабу писателей, таких, как В. Ромашов, И. Кочерга, С. Третьяков, С. Вургуян, А. Глоба, Л. Корняну, — наиболее сильно вывлеклись в публицистической, дискуссионной заостренности их пьес.

Когда писатель глубоко и зрело раскрывает движение жизни, создавая достоверные и тонкие характеры, когда и приходит успех. Л. Зорин, драматург острого ощущения действительности, пьесами «Добряки», «Друзья и годы», «Варшавская мелодия» утвердил себя как художник.

Самобытный талант И. Зарудного, изображающего современность Украины в характерах и судьбах людей из народа, раскрывается все ярче именно потому, на мой взгляд, что драматург своими пьесами «Веселка», «Антея», «Синие росы» все глубже выникает в общественные интересы.

Активно развивая свою гражданскую линию в драматургии, найденную еще в первых пьесах В. Розов. В каждом своем новом произведении он ставит вопросы, волнующие прежде всего современную советскую молодежь, а все, что волнует молодежь, как известно, волнует каждого из нас. Талант Розова крепнет от пьесы к пьесе. Это уже признанный мастер драматургии. В Розов стремится все зорче видеть, все убедительнее говорить с публикой. И следящая пьеса «Традиционный сбор» рассказывает о поколении людей, прошедших войну и создающих жизнь сейчас, передающих эстафету нравственной чистоты молодежи, нашему юношеству.

А. Тажибаев пьесами «Перед пришествием», «Портрет», «Одно дерево — не лес», Г. Приде пьесами «Твоя добрая слава», «Хотя и осень», А. Лийев пьесами «Новогодняя ночь», «Венская почтовая марка» на материале казахской, латвийской и эстонской действительности строят художественные обобщения, широко касающиеся жизни советских людей. Талантливо работает в киргизской драматургии Т. Абдумомунов. Его пьеса «Обжалованию не подлежит» прошла на сценах многих театров. Столь же успешно трудится в литовской драматургии Ю. Грушас, автор трагедии «Геркус Мантас». Профессионализм и острое чувство современности отличают и последние работы этих драматургов.

К. Финн, С. Азимов, Ю. Чепурин, Г. Борня, И. Дворецкий, Уйгун, М. Мревлишвили, С. Саидмурадов, А. Григулис, Г. Тер-Григорян, Г. Абдулло, Э. Раннет, К. Мухамеджанов и другие наши драматурги не снимают руки с пульса времени.

О некоторых тенденциях драматургии можно судить по юбилейному репертуару московских театров.

Малый театр показывает оригинально построенную и, я бы сказал, пыльную пьесу Г. Мливан «Твой дядя Миша» — о судьбе коммуниста, работника ЧК. В том же театре состоялась премьера новой пьесы С. Алешина «Дипломат». А. Арбузов представлен в афише МХАТа драмой «Ночная исповедь», изображающей духовную жизнь человека времен минувшей войны. Театр с успехом показывает пьесу «Тяжное обличение» Л. Шейнина, много и плодотворно поработавшего в драматургии. Во МХАТе же и широко по стране идет пьеса В. Лаврентьева «Чти отца своего...» Там же репертуаре тонкая, умная пьеса А. П. Тур «Чрезвычайный посол». Театр имени Вахтангова показывает «Варшавскую мелодию» Л. Зорина, блистательно поставленную Р. Симоновым. А. Софронов, который создает комедии за комедией, где забавные персонажи действуют в ситуациях чаще всего легкого, водеvilного свойства, представлен в этом году новой пьесой «Дети мои, дети».

Юбилейная афиша Москвы еще только формируется. Можно надеяться, что к осени, непосредственно к праздничным дням, появятся новые спектакли. Однако в репертуаре пока еще редко находит место героика, редко возникает романтический образ человека труда, партийного работника, ученого, то есть тех людей, которые определяют сегодня наше общественное развитие. Это явление — не случайное, оно вызывается чувством тревоги. Советский театр, мне думается, должен мобилизовать все силы и широко, с обобщающей философской глубиной, представить на сцене крупную жизненную проблематику.

ИНОГДА полезно оглянуться на пройденный путь, путь исканий, где были, между прочим, и такие вещи, которые сейчас могут показаться абсурдными. В двадцатых и начале тридцатых годов кипела бурная схватка вокруг проблемы психологизма в драматургии. Писать или не писать о любви, о семье? Погодин, Вишневский и некоторые другие писатели, поддерживаемые голосами крупных критиков, выступали против психологизма. И, напротив, Афиногенов, Кирион, А. Толстой, Тренев утверждали драматургию реалистических характеров с неизбежной психологизацией.

Вот что в полемическом азарте говорил Погодин в 1933 году, противопоставляя свое видение проблемы Афиногенову и Кириону: «Возьмите три произведения: «Страх», «Хлеб», «Чудака». В чем основа интриги? Что возбуждает зрительный зал, что ведет, что воздействует? Любите! Возьмите три произведения: «Первая

Конная», «Мой друг», «На западе бой». На чем построены все эти произведения? Не любовь! Не любовь! Вот, товарищи, стык наших споров».

В том же 1933 году Погодин писал: «Семейственные страсти, семейственные перипетии сходят на второй план, уступая место социальным страстям, которые становятся не менее эмоционально действенными, чем первые. Драматурги начинают познавать своего зрителя, которому в высшей степени безразлично, является ли Иван Петрович, и, важно, выдержит ли этот коммунист борьбу!»

Сегодня нам с высоты шестидесяти годов хорошо видны и положительные, и отрицательные стороны такой обостренной позиции в утверждении принципов новой, советской драматургии. И Погодин, и Вишневский сами осознавали это в дальнейшем. Реалистический характер, психологизм, к нашему удивлению, утвердились в драматургии. Однако не слишком ли истинно «семейственные страсти» преобладают ныне в наших замыслах над страстями социальными?..

Развиваясь в многообразии стилей, драматургия исследует психологический мир человека. И здесь мы отдаем должное замечательному мастеру психологического письма Л. Леонову. В «Половчанских садах», «Метели», «Нашествии», «Ленушке», «Золотой карете» и других своих пьесах Леонов показывает людей сложной судьбы, сталкивает их почти в трагедийной напряженности. Герои Леонова несут черты общности, близкой к символической. Тем острее выявляется их философская значительность. С гордостью за крупнейшего художника мы можем сказать, что Леонов создал свой театр.

Искусство наше обогащается и тем, что дает новое сценическое истолкование пьесам В. Кириона, М. Булгакова, М. Кулиша.

Мы переваливаем во вторую половину после-революционного века. Общество ждет от литературы и в том числе от драматургии гораздо более глубокого, аналитического тонкого проникновения во все сферы коммунистического строительства.

Заметное оживление в драматургию внес конкурс на лучшую пьесу, посвященную 50-летию Октября. Среди конкурсных пьес — произведения о современности и историко-революционные. Юбилей усилил интерес писателей к исторической тематике. Историей давно уже успешно занимаются И. Сельвинский, К. Яшен, В. Волькенштейн, В. Соловьев, Г. Муреплов, Л. Дмитриеро, Г. Абшидзе, П. Борисков и другие.

Репертуар должны определять пьесы, развивающие самосознание общества, в центре которых стоял бы образ интеллектуального деятельного героя. Мы не можем безоглядно следовать тому, что было сделано до нас. Человек истинно современный, борющийся активно за утверждение наших идеалов, возникает перед нами в очертаниях глубокого психологизма и только тогда, когда художник страстно вторгается в жизнь.

Именно новой чертой драматургии, новаторским качеством в развитии традиций следует считать ее партийную активность, направленную против антиобщественных явлений.

Должен вместе с тем заметить, что мы понапрасну подчас с излишней осторожностью относимся к пьесам открытой публицистического характера. Правда, и эту осторожность можно понять, она, на мой взгляд, является реакцией на пустословие и голую, лобовую лозунговость, которые изрядно надоели нам в определенные времена. Главное же состоит в том, что собственное видение мира, свобода открыто выражать свои гражданские взгляды в постановке общественных проблем отнюдь не должны оборачиваться утратой революционной высоты философских позиций.

Я убежден, что большой вред развитию наших лучших традиций наносит упрощенное, вульгарное понимание задач революционной боевой литературы. Это важно сказать именно потому, что мы здесь размышляем о литературном жанре, который не может жить без острой конфликтности, без диспута, заложенного в основу художественной формы.

Традиция, сформированная Гоголем, Грибоедовым, Щедриным, блестяще продолженная В. Маяковским, создавшим образы Оптимиста и Присыпкина, Б. Ромашовым с его галереей сатирических персонажей в «Воздушном пирог», для нас чрезвычайно дорога.

Одним из наиболее ярких произведений драматургии мы с полным основанием считаем пьесу А. Корнейчука «Фронт», вышедшую в драматический период Отечественной войны. Корнейчук закалил тупоумие и бездарность военачальников типа генерала Горлова. Понятие «геролический» стало нарицательным. «Фронт» Корнейчука свершил огромную очистительную работу.

В этом же русле следовал и К. Крапива, написавший блестящую комедию «Кто смеется последним», комедию, в известной мере ставшую этапной для развития советской драматической литературы.

Значительным литературным событием была и комедия В. Минно «Не называя фамилий». В этой комедии автор мастерски и весьма едко закалил обывателей.

В последние годы также возникали пьесы сатирической направленности. Я мог бы назвать «Памятник себе...» С. Михалкова, «Назначение» А. Володина, «Волну полковника» Ю. Смула.

С. Михалков и А. Володин остроумно, каждый в своей манере показали мимикрию бюрократов. Ю. Смулу выследил современное мешанинство. Известный белорусский драматург А. Макаенок, автор знакомых советским зрителем пьес «Извините, пожалуйста!», «Левониха на орбите», написал новую острую комедию «С ярымарки».

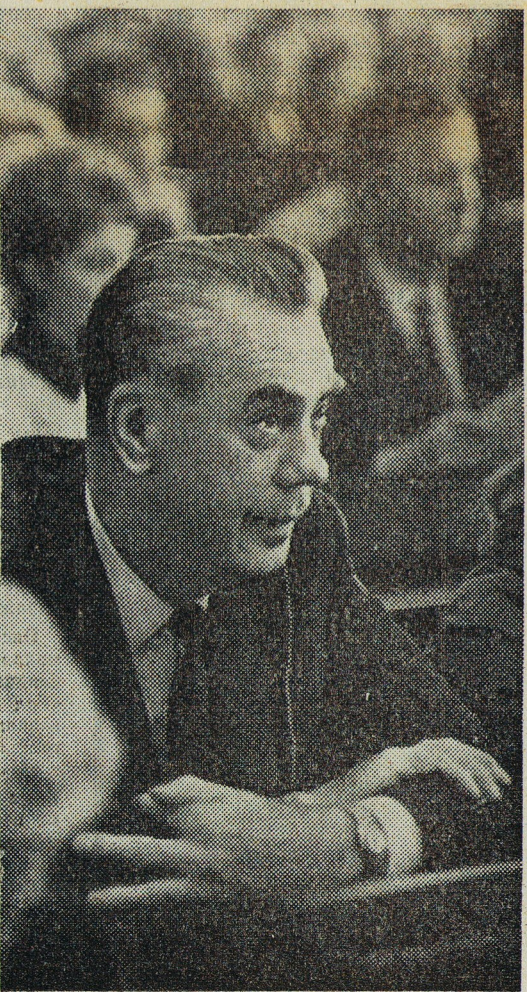
В жанре комедии были написаны также интересные вещи, как «Ужой ребенок» В. Шваркина, «Квадратура круга» и «Домик» В. Кватана, «Меч Нахабери» П. Канабадзе, «Чудесный слух» В. Кириона, «Дедушка нашей страны» И. Микитенко, в последние годы — «Веселый гость» Г. Мухтарова, «Свадьба с приданым» В. Дьяконова, «Девичьи красавицы» А. Симукова, «Шелковое созвездие» А. Каххара, «Рак» С. Михалкова, «Женщины» А. Токаева, «Стрекоза» М. Вараташвили, «Весенние скрипки» А. Штейна, «Во дворе злая собака» К. Буачидзе, «Украли консула» Г. Мливан, «Опаснее врага» Д. Аля и Л. Ракова, «Свадьба на всю Европу!» А. Арканова и Г. Горина, «Дерево» М. Ибрагимовича, «Сестры-разбойницы» К. Финна, «Гусиное перо» С. Лунгина и И. Нусинова.

Можно было бы и еще перечислить ряд комедий, имевших успех в Москве, а также на сценах национальных театров в республиках нашей страны. Дело не в перечислении. Комедии есть, но испытание временем выдерживают очень немногие вещи этого жанра, а сама комедия мельчает, сатирическая острота весьма заметно притупляется, и просто на глазах уменьшаются в своих масштабах цели, которые должны поражать своим огнем сатира.

■ ОНОЧНИК НА 8-й СТ.

Андре Стиш

Артур Лундквист

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

■ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 7-й СТР.

Мы так долго твердили, что «смех должен быть серьезным»... А ведь хочется чаще видеть попросту веселое театральное зрелище, эстраду. Есть у нас и мастера легкой комедии: Л. Ленч, Г. Мухтаров, М. Слободской, Ц. Солодарь, В. Поляков, Б. Ласкин, А. Кузнецов и Г. Штайн, и такие режиссеры, как Н. Акимов, возглавляющий Ленинградский театр комедии.

Мы — оптимисты, мы строим общество, одухотворенное надеждой, но можем же мы уподобляться тем мрачным людям, которые в интерпретации Михаила Кольцова изрекали: «Нам не до смеха, пусть смеются наши классовые враги».

Как противостоять скепсису и цинизму, проникающим в души молодежи? Трудно переоценить благотворное влияние искусства, воспитывающего любовь к Родине. Все мы помним «Интервенцию» Л. Славина, «Славу» В. Гусева, «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова, «Сталинградцы» Ю. Чепурина, «За тех, кто в море!» Б. Лавренева, «Константин Заслонов» А. Мовзона. С подмостков театров и передвижных фронтовых бригад артисты доносили до зрителей военных лет величие души советского человека, вставшего на защиту своей земли. Эта славная традиция находит свое развитие в пьесах «Океан» А. Штейна, «Леа» Ю. Смуула, «Караван» И. Штока, «Люди, которых я видел» С. С. Смирнова, «За вторым фронтом» и «Киевская тетрадь» В. Сокоба, «Каждому свое» С. Алешина, «Панфиловцы» И. Назарова, «Планета Сперанта» А. Коломийца.

Сегодня, может быть, как никогда, важен вопрос о героике.

Сегодня не каждый летает в космос, нет необходимости бросаться грудью на амбразуру дота, но значит ли это, что героическая тема как бы не ко времени? Под пером нинх критиков понятие героики сегодня, как-то странно растворяется... Дескать, на смену Александру Матросову пришел обыкновенный мальчик, и если он не совершает антиобщественных поступков и даже, наоборот, в мелочах положительный, то он уже герой. Таких героев «малых дел» много развелось в нашей прозе и драматургии.

Есть и немало зрителей, очень довольных таким героем. Они одного роста — мешанский зритель и его кумир. Герой «малых дел» не потрясает душу необычайными, дерзкими поступками и поэтому не рождает чувства стыда за то, что ты, зритель, на дерзкие и отвагу не способен. Одномерный с таким героем зритель смеется над безрассудным Данко: подумай, вырвал собственное сердце и светит! В магазин электросбыта сколько угодно карманных китайских фонарей. Зритель-мешанин аплодирует мешанину-герою. И, что греха таить, некоторые драматурги тонехонько учитывают это, ставят приятное зрелище, которое не сильно будоражит. Причем тщательно дозируется и политическая приправа. Ведь мешанино-современный, он почитывает газеты и тоже хочет «чего-то остренького».

Подвиги сегодняшнего дня — это самоотверженный труд на заводах, стройках, полях, в научных лабораториях, это героическая безупречная служба в наших войсках, это отважное, бескомпромиссное преодоление всех преград, мешающих по-новому строить экономику, управлять государством, созидать жизнь. Подвиг всегда связан с мобилизацией всех нравственных сил человека, вплоть до самопожертвования.

Обыкновенное преодоление тягот жизни нельзя уравнивать с подлинной высокой героикой военного, трудового, гражданского подвига!

Развитие и обогащение традиций идет и в области драматургической формы.

Драматурги теперь довольно часто пишут так называемые интеллектуальные пьесы. Разумеется, этот термин можно рассматривать лишь как приблизительный.

Интеллектуальная драматургия, так же как и интеллектуальный роман, опирается на традиции Лессинга, наследие Вольтера, традиции просветительской драмы, на философский роман Чернышевского, интеллектуализм великих творений Толстого и Достоевского. Роман идей «Жизнь Клима Самгина» Горького также близок этому направлению искусства.

Было бы неверно ставить интеллектуальную драму выше психологической или наоборот. Русская драматургия всегда была склонна к психологизму и к глубокой интеллектуальности. Интеллектуальная драма всегда философична. Персонажи ее как бы раздвигают в лицах концепцию автора, они персонажируют различные стороны и противоречия его мысли. Если психологическая драма предполагает, помимо типических характеров в типических обстоятельствах, еще и правдивость бытовых деталей, то в драме интеллектуальной — иное. Героиня «Доброго человека из Сезуана» Шен Те живет не в типических обстоятельствах, а в экспериментальных, созданных воображением Брехта.

Талантливо, интересно работали в этой манере Назым Хикмет и Евгений Шварц. А. Арбузов в «Ириутской истории», К. Симонов в «Четвертом» творчески, каждый по-своему осваивают принципы интеллектуальной драмы. Пьесы В. Коростылева «Дон Кихот ведет бой» и «Варшавский набат» — яркое свидетельство плодотворности творческих поисков автора. Грузинский драматург Г. Хухашили свою пьесу «Дороги» также построил в манере интеллектуальной драматургии.

Правда, уже появились и спекулятивные вещи, где частный факт выдвигается за предмет высшего философского принципа. Метод интеллектуальной драмы в этих случаях используется не для анализа крупных философских проблем, а лишь как модная форма.

Драматурги, мне кажется, все настойчивей ищут некую перемычку между интеллектуальной и психологической драмой, добиваясь того, что было свойственно лучшим романам Толстого и Достоевского, — величия характеров и драматизма идей.

В современном зарубежном театре последних десятилетий играют пьесы таких различных по своим философским взглядам и творческой манере художников, как Брехт, Сартр, Ш. О'Кейси, Миллер, О'Нил, Дюрренматт, Хеллман, Теннесси, Крчунковский, Вейс, Дарвац, Ловинеску, Де Филиппо, Осборн, Когоут, Фриш. Каждый из них внес свою лепту в строительство драматургической формы.

В раздумье о формах драматургии мы не однажды обращаемся к так называемому кинематографическому мышлению. Язык кинематографа и театра — совершенно различные эстетические категории. Взаимное обогащение, происходящее от влияния кино на театр и влияния театра на кино, неизбежно и в общем сказывается положительно. Однако хорошо ли то, что для некоторой части драматургов кинематографическая стилистика становится нормой, прививается как манера? Обратная сторона этого процесса состоит, между прочим, в том, что драматурги в поисках лаконизма иссушают текст и отрешаются от пафоса. А потеря пафоса как бы мстит за себя, предопределяя потери в области формы.

В последнее время получила довольно широкое распространение документальность, еще в двадцатых и начале тридцатых годов проэкспериментированная советской литературой.

Документальность может быть отличным средством изображения жизни и воздействовать на зрителя так же сильно, как воздействуют средства традиционной художественности. Вместе с тем монтаж документов порой используется и как удобное прикрытие бесталанности писателя и режиссера.

Документальная драма отнюдь не предполагает прямого перенесения факта, документа в искусство. Хроники Шекспира не могли быть в полной мере историческими хрониками, они были хрониками Шекспира. Тенденциозность автора в любом случае дает о себе знать.

В нашей драматургии удачно выступает в форме документальной драмы М. Шатров. Л. Малюгин пьесой «Насмешливое мое счастье» вывел на сцену А. П. Чехова в драматизме его судьбы. В кино наиболее талантливой работой этого рода остается фильм «Обыкновенный фашизм», поставленный М. Роммом по сценарию М. Туровской и Ю. Ханюткина.

Желание видеть жизнь без ухищрений и прикрас делает все более притягательной для зрителей документальную манеру. Она может пополнить арсенал художественных средств реализма, если к факту прикасаются рука идейно зрелого и талантливого художника, если правда факта становится правдой искусства.

СОВЕТСКАЯ драматургия обогащается с приходом в нее новых молодых писателей, которые свежестью своих талантов вносят новые черты в литературу и способствуют развитию ее лучших традиций.

Как всегда, наиболее ярко писатель выявляется тем, что он приносит в литературу свое собственное понимание жизни, своеобразие художественных средств. В этом смысле я хотел бы сказать, что Э. Радзинский с первых пьес заявил о себе как о человеке весьма перспективном для драматургической литературы. Наиболее известна его пьеса «104 страницы про любовь». Успешно выступают в драматургии и другие писатели, еще не так давно считавшиеся молодыми: Л. Устинов с его остроумными, тонкими пьесами-сказками, говорящими о жизни в символической, обобщенной форме; К. Сая, автор хлестких комедий о современной жизни Литвы, успешно перешагнув жанровый рубеж драмой «Солнце и столб»; А. Делендик своей пьесой «Вызов богам», идущей во многих театрах, укрепил позиции белорусской драматургии; лирическая драма «Наса море» молдавского драматурга И. Друцэ, поставленная Центральным театром Советской Армии, вызывает живой интерес публики; А. Зак, И. Кузнецов, А. Мамедов, Ю. Эдис, Абдуллин, В. Блиннов, И. Боташев, В. Раздольский, М. Баджиев, Д. Урнявичюте, Л. Митрофанов, А. Луян, Ц. Шагжин, А. Теврской, Б. Якиев, Р. Назаров, Н. Терентьев, Т. Ахтанов и совсем недавно появившиеся Р. Самулявичюс, В. Тур, А. Бархотенко и другие дебютанты. Хочется верить, что они и впредь будут идейно стойкими бойцами партии, понесут вперед эстафету традиций советской драматургии, создадут новые пьесы с художественно убедительными образами современников, героев наших строек, заводов, полей, героев науки, космоса, армии и флота.

Если мечтать по самому высокому счету, то драматург — философ и творец — рождается в литературе, создавая свой неповторимый, оригинальный репертуар, и создает театр. Но это мечта, далекая от практики.

Было бы во всех отношениях верно продумать, изучить возможности для создания новых театров. Пусть создаются театры с малыми залами на 150—200 мест. Конечно, маленькие театры не принесут больших доходов, но они расширят горизонты художественного поиска. Новые театры, вероятно, открывали бы и своих авторов, близких им по творческой манере, авторы же, в свою очередь, создавали бы театры своим оригинальным репертуаром.

РАЗВИТИЕ традиций народности, партийности, революционного гуманизма — задача не легкая. Посыпать песком скользкие тропинки гораздо проще, нежели строить магистральные дороги. Жаль, что некоторые теоретики и критики путают понятия. Тех, кто посыпает песком тропинки, они объявляют строителями магистралей.

Зачастую по справедливости разруганный пятачок спектакль собирает полные залы зрителей. А похвала в газете иногда становится некрологом для спектакля. Почему? Потому что газеты нередко поднимают на щит слабые, декларативные пьесы, иллюстрирующие жизнь, хвалят за одни добрые намерения...

Критики очень часто повторяют одни и те же истины, «прикладывая» их к неодинаковым явлениям литературы.

Нивелирующий подход к талантам становится бедой нашей критики.

Оригинальная романтическая драма М. Карима «В ночь лунного затмения» с успехом идет в Театре имени Моссовета. Критика отзывалась на этот яркий спектакль дружно и доброжелательно. Однако глубокого рассмотрения своеобразной стилистики драмы Карима, пожалуй, не было ни в одной из статей.

Романы и повести М. Шолохова, М. Стелымаха и Ч. Айтматова и других писателей в силу своего драматизма обретают сценическую жизнь, и это радует нас. Кто из критиков, теоретиков всесторонне исследовал перевод современной прозы в жанр драматургии?

В. Панова, Г. Марков, В. Аксенов, М. Ганина написали пьесы «Проводы белой ночи», «Беспощадное лето», «Всегда в продаже», «Анна». Как своеобразие каждого из этих авто-

ров прозы проявилось в их пьесах, значительных и интересных? Критики лишь слегка касаются этого вопроса, а он — главный.

Определенность и ясность позиций очень важны в нашем деле, важно и тогда, когда решается вопрос о выпуске того или иного спектакля. Если ясности нет, если решение затянется, атмосфера вокруг спектакля накаляется, возникает нездоровый, обывательский интерес. Вот спектакль, наконец, показан. Тут критики и становятся в тупик. Как же критиковать этот спектакль, если он был «в опале»?.. Слабости пьесы, просчеты режиссуры — все это уже рассматривается под знаком некоей амнистии...

Меня тревожит и такое явление: критика наша очень узка по своим пристрастиям. Радует, видя человека с широким взглядом на вещи, сохранившего непосредственность в подходе к различным писательским и режиссерским именам.

Мне запомнилась статья Е. Холодова в журнале «Театр» о пьесе А. Арбузова «Нас где-то ждуть». Автор статьи внимательнейшим образом разобрался в пьесе, он критиковал ее, но так убедительно аргументировал, в таком уважительном тоне, что драматург мог быть только благодарен критику. Вообще журнал «Театр» разносторонне и квалифицированно освещает драматургию, театральные дела. Но хотелось бы, чтобы журнал занимал более четкие наступательные, идейные позиции в дискуссионных вопросах и в оценке отдельных пьес и спектаклей.

Все больше талантливых пьес выходит из-под пера драматургов наших братских республик. А много ли из того лучшего, что ими написано, появляется на московской, вообще на русской сцене?.. Театры столицы и других городов России редко и не всегда удачно обращаются к национальной драматургии и тем самым обедняют, обкрадывают себя, проходя мимо больших художественных богатств. Союз писателей, его Совет по драматургии неоднократно поднимали об этом вопрос перед министерствами культуры СССР и РСФСР. Мы хотим добиться того, чтобы каждый московский театр ежегодно осуществлял постановку пьес драматургов наших республик и братских социалистических стран. Работники театров делают большое интернациональное дело, если будут проводить фестивали советской национальной драматургии.

Судьба драматургической литературы зависит также от внимания радио, телевидения, издательства, от того, насколько серьезно и внимательно драматургия анализируется теорией и критикой.

Из числа вышедших книг о драматургии и театре хотелось бы назвать «Правду театра» П. Маркова. Этот труд увенчан в прошлом году премией Станиславского. А. Богуславский и В. Диев выпустили книгу «Русская советская драматургия», где основательно разобрались в литературно-театральном процессе. Большой и глубокий труд — книга А. Караганова «Жизнь драматурга». Автор проследивает сложный творческий путь А. Афиногенова. В своей новой книге «Огни Смольного» А. Караганов пишет об образе Ленина на экране и освещает ряд других вопросов искусства. Ценную книгу о работе Горького-драматурга опубликовал В. Новиков. Очень интересные сборники статей и очерков Ю. Юзовского «Зачем люди ходят в театр...» и «Разговор затянулся за полночь». Книга Е. Суркова «На драматургические темы» содержит глубокие статьи о театре Л. Леонова, о работе Погодина над ленинскими пьесами, о Чехове, Шекспире, о проблемах современной драматургической литературы. Статьей о Брехте, опубликованной в нескольких номерах «Знамени», Е. Сурков многое проясняет в осмыслении художественного наследия этого новатора драматургии и театра и расставляет верные, марксистские акценты в том теоретическом споре, который ведется во всем мире вокруг имени и творчества Брехта. В сборнике В. Фролова «Искусство открывает мир» объединены его тематические статьи о драматургии, кинематографе, поэзии и прозе. Капитальный труд о Б. Брехте, редкостный по своей исследовательской глубине и основательности, создал И. Фрадкин. Книгу «Мастерство Островского» выпустил Е. Холодов. С двумя книгами философского свойства «О трагическом» и «О комическом» выступил Ю. Боров. В своих новых работах он исследовал проблему интеллектуальной драмы как драмы-концепции. Внимательно, с серьезными обобщениями рассматривает А. Анастасьев в своей новой книге творчество В. Розова. В монографии Л. Караева «Трагедия и герой» рассматриваются важные аспекты азербайджанской драматургии. Многогранный творческий портрет артиста И. К. Черкасова создан в своей книге Ю. Зубков. Сборник теоретических статей Е. Горбуновой «Идеи, конфликты, характеры» помогает осмыслить вопросы формы, природу драматизма.

Книга И. Вайсфельда «Мастерство кинодраматурга» обобщает литературный опыт сложнейшего жанра кинодраматургии. Проблемы драматургии и театра Украины, Белоруссии, Армении, Молдавии, Башкирии, Эстонии, Туркмении нашли отражение в сборнике статей В. Пименова. Покойный В. Залесский в своей последней книге «Героя я ищущий...» полемически осветил острые грани театральной жизни.

Животрепещущие темы искусства Киргизии разработаны в книге М. Барбулгулова «В глубь жизни». Книжки И. Вишневской о К. Симонове и Б. Лавреневе вносят много нового в исследование творчества этих писателей. В книгах «Художник и революция» и «Театральные горизонты» Н. Абалкин с позиций высоких критериев подходит к теме ответственности художника. Интернациональна по своему духу и глубочайшая книга Я. Фельдмана «Характер народа и сценические образы», в которой автор анализирует постановки русских пьес на узбекской сцене.

Откликаются на самые насущные проблемы драматургии и театра критики А. Солодовников, В. Нефед, А. Свободин, Ю. Рыбаков, Н. Крымова, Б. Ростоцкий, М. Туровская, Н. Громов, С. Цимбал, З. Владимирович, Б. Галанов, К. Щербак, О. Дзюбинская, Б. Рясенцев, Э. Гугушвили, М. Строева, Т. Чеботаревская, И. Киселев, Л. Самвелян, И. Игнатова, И. Моравек, И. Соловьева, Р. Афанасьев, Н. Лордкипанидзе, К. Рудницкий, М. Рогачевский, Г. Кочухова и другие товарищи.

Отмечая добрые дела наших критиков, я вместе с тем хотел бы сказать, что встречаются среди них и такие, кто свою собственную позицию частично выдает за мнение всех без исключения зрителей и даже всего народа... Такими громкими заявлениями пользуются как раз те, кто эстетически не компетентен и твердых убеждений не имеет. Сегодня они ругают или поддерживают одно, завтра — совершенно противоположное. Истины для них не существуют, они сами создают удобную для себя версию истины в зависимости от конъюнктуры. Ах, если б они поняли Маркса, который сказал: «...истина всеобщая, она не принадлежит мне одному, она принадлежит всем, она владеет мною, а не я ею».

Теоретики и критики драматургии и театра могли бы работать плодотворнее, а главное — польза от их труда была бы еще большей, если бы каждый из них ответственно осмыслил свои эстетические взгляды, вкусы и пристрастия с теми задачами, которые народ и партия ставят перед искусством нашей страны.

Должен особо и с большой радостью сказать, что в нашей стране успешно развивается детский театр. Мне хотелось бы назвать имена тех литераторов, которые положили начало драматургии и театру для детей. Это С. Маршак, С. Михалков, А. Бруштейн, Т. Габбе, Н. Сац, В. Любимов.

ОДНА из самых благородных традиций советской литературы и искусства — высокая ответственность за судьбы Родины и человечества.

Да, наша литература развивается как необычайная по жизненному материалу и революционной новизне мысли часть мирового процесса. Сознательная ответственность перед своим народом, мы должны видеть и все широкое поле мирового искусства. Мы с искренней благодарностью ощущаем поддержку друзей — литераторов социалистических стран. Мы принимаем рукопожатия наших соратников — прогрессивных писателей из буржуазных стран, писателей, сражающихся против старого мира. Вместе со всеми честными художниками земли мы выступаем против угрозы войны, в поддержку героического Вьетнама.

Мир полон тревог. Лихорадочное дыхание фашизма все сильнее чувствуется в атмосфере века. И в этих условиях ответственность советского писателя за каждое свое слово возрастает во сто крат. Мы выходим в мир с оптимистической идеей коммунизма, несущего счастье и благополучие всему человечеству, но против нас яростно выступают силы буржуазного мракобесия, идеологи, бросившие всю свою энергию на то, чтобы обескрылить человека, растрепать его душу мерзкой идейной обреченности.

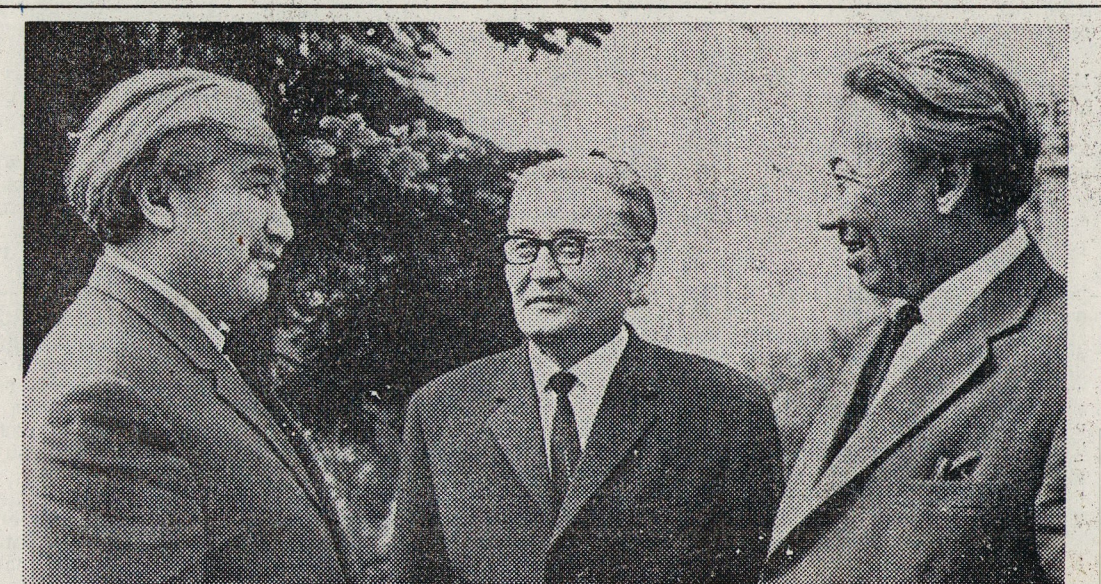
Непримиримость к буржуазной идеологии, обостренная борьба с нею, выдвижение положительных образов — воодушевляющего примера для молодежи, — все это сегодня не просто моменты литературных раздумий, это борьба за наш завтрашний день, за истинный гуманизм, за мир и счастье на земле!

В Москве горят костры... В сознании человечества запечатлелись костры инквизиции, фашизма, горящие кресты кулук-клана и варварские костры китайских «поборников культуры», сжигающих книги на площадях...

Московские костры пылают там, где снесены старые дома и образовались пустыри. Их много, этих счастливых костров. Люди переезжают в новые, большие, удобные дома, а в огне навсегда исчезает мусор, окружавший в прошлом их жизнь...

Я люблю останавливаться возле таких костров нашего обновляющегося города, столицы человеческого надежд. Смотрю на размашистые пламя, на мальчишек, что резвятся вокруг, на этих отчаянных, глазастых забияк, будущих строителей и космонавтов...

Да, действительно горячая, она влечет и обжигает, она героична и высока, полна радости и драматизма. Но главный смысл нашей действительности — справедливость. И этот смысл бессмертен, как бессмертен сам человек,

Халилжан Бекхожин, Хамза Есенжанов и Абдильда Тажибаева.